

Пролог

В кабинете виера АльКинета не горел свет. Впрочем, это нисколько не мешало ему находиться здесь же и внимательно изучать три принесенных ему девичьих портрета. Пальцы мужчины барабанили по столу, выдавая напряженное раздумье. Все это время у двери стоял, не делая попыток уйти, секретарь, принесший по запросу начальника скудные анкеты прибывающих в Марголин незамужних девушек.

— Она, — наконец определился с выбором мужчины, и секретарь ни взглядом, ни жестом не показал, что готов пожертвовать богам недельную зарплату. Слишком уж долгим, не сулившим ни минуты отдыха для подчиненных, было размышление начальника. — Проследи, чтобы ее поселили рядом. Не хочу далеко ходить ради бездарной смертной.

Подчиненный промолчал: в его обязанности не входило поправлять начальника.

Поклонившись, виер ЭльТаин вышел передавать высочайшее распоряжение коллегам. Мимоходом глянул на выбранную анкету и мысленно посочувствовал девушке. Картиан АльКинет был вовсе не принцем из девичьих грез, но шансов избежать его внимания у госпожи Загресси не имелось.

Глава 1

СПЛЮ НА НОВОМ МЕСТЕ, ПРИСНИСЬ ВИЕР НЕВЕСТЕ

Дома царила суета. Но не та уютная нерасторопность, когда в дом прибывают долгожданные гости и все вместе накрывают стол, обсуждают последние новости и хвастаются успехами. Вовсе нет, причиной нынешнего переполоха в доме моей уважаемой кузины был наш отъезд. И если я намеревалась вернуться, то Терезу собирали как в последний путь.

Впрочем, после замужества кузина, по крайней мере официально, переставала считаться частью семьи. А потому путь был действительно последним. В статусе незамужней госпожи Загресси. Обрато вернется, если муж окажет такую любезность и они навестят родственников жены, виера ЭльРаунди. При упоминании своего будущего статуса Тереза заливалась краской, но не переставала улыбаться. И я была рада за нее. Со своим будущим мужем кузина познакомилась больше года назад, когда сопровождала брата в его поездке в Марголин. И теперь, спустя год периодических встреч и страстных — она мне показывала — переписок, пара наконец получила согласие обеих семей на брак.

— Ларин, где ты витаешь? — Кузина замерла в центре комнаты и требовательно посмотрела на меня.

— О тебе думаю, — охотно призналась я, моргая и переводя все свое внимание на кухню.

Тереза довольно улыбнулась.

— Только ли обо мне? — Она плюхнулась на кровать и взяла меня за руку.

— О тебе и Антиоре, — легко исправилась я, заглядывая в глаза кухни. Они сияли, и я даже ощутила нечто сродни зависти, но тут же одернула себя: завидовать дорогим людям не следует, следует радоваться за них.

— А о Марголине? — понизив голос, уточнила Тереза и заговорщицки добавила: — Тетушка надеется, что в этой поездке и ты встретишь кого-нибудь, кто заставит твое сердце биться чаще.

Кухина приложила мою ладонь к своей часто вздымающейся груди. И не зная, что она уже несколько дней места себе не находит от волнения, решила бы, что Тереза больна. Все симптомы были, как говорится, налицо: пульс, жар, резкие приступы дурноты по незначительному поводу вроде задержки лент. Я смотрела на это и все сильнее убеждалась в мысли: влюбленность — это болезнь.

— Пока мое сердце заставляет биться чаще понимание, сколько я сэкономила, пропустив выпускной в Вальехе, — хмыкнула я, желая перевести тему и... прервать воспоминания о Рингаль. Подружка должна была уже благополучно добратся, но вестника от нее все не было. И я волновалась, все ли с ней в порядке, сумела ли она покинуть город незамеченной, не перехватила ли ее по дороге леди Шарлотта...

— Прости, — протянула Тереза, обнимая меня. Ойкнула, заметив, как мнется платье, но рук не убрала.

— Не за что, — улыбнулась я, обнимая кузину в ответ и заглядывая в ее глаза. — Все хорошо, Тери. Мне и самой нужно попасть в Марголин побыстрее.

— Если я могу тебе чем-то помочь?.. — тут же звалась Тереза.

И я кивнула:

— Можешь. Мне твой брат, а жених и тем более, могут отказать, а тебе..

— Обещаю поспособствовать любому твоему начинанию, — пообещала Тереза и нахмурилась: — Но для тебя самой это безопасно?

— Мы же будем в Марголине, — напомнила я. — И если ты считаешь, что там безопасно, то я буду абсолютно защищена. Насколько это возможно.

Кузина нахмурилась, будто не все в стране виеров было так, как она с восторгом рассказывала, но промолчала.

— Мне всего лишь надо посидеть в библиотеке, покопаться в старых новостях. Не верю я, что Шарлотта Калиори — хороший человек. Вот не верю — и все!

— Это тетушка твоей подруги? — припомнила Тереза.

— Опекун. — Я поморщилась. — Настоящая тетушка — это как твоя матушка для меня. А Шарлотта для Ринталь как мачеха. Привезла ее сюда десять лет назад, начала деньгами сорить, а теперь, когда Ринталь должна стать совершеннолетней, хочет выдать ее замуж не пойми за кого. И я не я, если вопрос там не в деньгах!

— И мы должны этому помешать? — В голосе кузины послышался азарт.

— В силу своих возможностей помочь Ринталь, — остудила я пыл кухни. Не хватало еще, чтобы она накануне свадьбы угодила в приключение. Дядя с тетей — да и жених Терезы — едва ли мне это простят. — Поэтому... ты же меня прикроешь? Если мне нужно будет отлучиться по делам.

— Если возьмешь с собой охрану, — заметила Тери и понизила голос: — Или хотя бы защитный артефакт.

— Обязательно, — пообещала я, и заговор можно было считать состоявшимся.

* * *

Меня разбудил стук. Что-то билось в запертое окно. Упрямо, непреклонно, будто имело полное право будить меня среди ночи и требовать внимания.

Я зевнула, садясь на кровати, потянулась, протерла глаза и торопливо бросилась распахивать створку. По ту сторону стекла завис вестник. Черный вестник, заклятый на мою кровь, тот, что нашел бы меня даже в Марголине, успею я покинуть Балиар. Тот, которого я подарила Ринталь.

Попав наконец в руки адресата, черный стусок магии превратился в испещренный ровными рунами лист. Негнушимися пальцами я провела по строчкам, вчиталась и... выдохнула с облегчением. Что бы я ни говорила кухне, как бы ни уверяла саму себя, что у Ринталь все будет в порядке, я переживала за подругу. Ей предстояло одной проделать путь из Билена, который ей раньше не доводилось покидать без сопровождения, до... Я нахмурилась,

выискивая адрес, и повторила про себя, чтобы не забыть: Грастин, улица Текстильщиков, дом шесть, чердак.

Ущипнула себя. Глубоко вдохнула и, коснувшись пальцами управляющего кристалла на столе, заставила вспыхнуть осветительный шар под потолком. Увы, магия мне была недоступна. Ни классическая, ни ведьминская. Зато удача любила и папины гости не обделяли комплиментами. В последние два года особенно, но я предпочитала относиться к ним как к должному. Не могут же уважаемые господа и даже несколько лордов не проявлять учтивость по отношению к дочери своего партнера? Вот и я считала, что их внимание — лишь дань уважения отцу, а потому отвечала вежливо и ни на ком не задерживала взгляд.

Растянула губы в улыбке, хмыкнула и вернулась к посланию Ринталь. Подруга смогла благополучно добраться до Грастина, найти жилье на полгода и даже обзавестись знакомствами. Правда, Рин пока не была уверена, что ее новые знакомые — спутники удачи, так настойчиво они взяли ее в оборот. Даже практически нашли мужа, заявив, что священный долг каждой ведьмы — испортить жизнь хоть одному неженатому мужчине. А кандидат у грастинских ведьм уже имелся и предназначался моей дорогой простодушной подруге.

— Рин — ведьма? — нахмурившись, спросила я у самой себя.

Никаких проявлений неклассического дара я за ней не замечала, да и леди Калиори не стала отправлять Рин на дополнительные занятия, хотя это наверняка бы повысило ее ценность на брачном рынке.

Если, конечно, леди Шарлотта хотела подыскать выгодную партию не только по собственному мнению, но и для Ринталь. А она определенно не собиралась этого делать. Как и давать подопечной больше свободы: ведь будь Рин ведьмой... не пришлось бы сейчас прятаться.

Я прикусила кончик металлического пера. По всему выходило, что вероятность того, что моя подруга неклассическая одаренная, могла быть не гипотетической. А потому провинциальный Грастин, полный ведьм, мог стать для нее не самым плохим местом. Особенно в свете того, что ничем порадовать Ринталь я пока не могла. А потому, макнув перо в чернильницу, я сунула руку в верхний ящик стола, извлекая серый лист вестника, указала новый адрес Ринталь и принялась писать:

«Моя дорогая подруга, с сожалением должна признать, что мои опасения были небеспочвенны. Мне нечем тебя порадовать, а то, что удалось узнать, скорее заставит тебя страдать, чем облегчит муки твоего сердца.

У леди действительно есть право опекать тебя, но, как я и предполагала, она получила его не благодаря вашим родственным связям. Чтобы это узнать, я забралась в кабинет директрисы, пока та проводила экскурсию для родителей моей кузины.

Документы настоящие, иначе леди не смогла бы тебя устроить в пансион, но согласно им она является удочерителем и твоим опекуном. Условий, на которых она это опекунство получила, в бумагах директрисы нет, но я не сомневаюсь, что там будет что-то о деньгах.

Ни отец, ни брат не нашли ничего, что могло бы объяснить иное появление таких средств в роду леди, кроме тебя. Именно с тобой она вернулась из Марголина спустя десять лет отсутствия и начала сорить деньгами.

К сожалению, это все, что я могу тебе пока сказать. Надеюсь к следующему письму узнать больше. Мы решили не дожидаться выпускного и выехать в Висталь раньше. Думаю, к тому моменту, как вестник до тебя доберется, мы будем уже там. Как и леди. Брат заметил слежку.

О документах не беспокойся. Отец сделал мне дубликат, но не отзывал прежние. Ты все еще можешь ими пользоваться, главное — не нарушай по-крупному закон (если нарушишь — обратимся к дядюшке, он что-нибудь придумает).

Рассказала о твоей ситуации Терезе. Она обещала поговорить с Мариусом, да и я сама жду с ним встречи. Надеюсь, удастся выяснить что-нибудь в Марголине. Как удачно мы учили их язык, да? И, кажется, теперь я знаю, почему тебе он давался легко.

Обнимаю тебя и крепко целую в щеку.

Твоя подруга

P. S. Напишу, как только мы доберемся до Марголина.

P. P. S. Если придется быстро уезжать, чтобы вновь со мной связаться, зайди в любое отделение банка «Риастель и Ко», день нашего знакомства и самого большого разочарования позволят тебе передать весточку».

Я отложила перо, перечитала письмо еще раз и, лишь убедившись, что более не имею никаких хороших или обнадеживающих новостей, свернула лист вестника, активируя вложенные в него чары. В открытое окно дунул холодный ветер. Серый стусок магии легко взлетел к облакам, затерявшись в серой туче.

Часы внизу пробили шесть утра. Пора было вставать. До нашего отправления в Висталь оставалось меньше часа.

Завтракали в экипаже. Сонная Тереза неохотно жевала бутерброд. Мариус, так и не легший спать, читал утреннюю газету, периодически отпивая из фляжки. Судя по запаху, кузен успел посетить мастера Рудольфа с соседней улицы и закупиться бодрящими зельями. Вкупе с чемоданом, полным типовых контрактов и нескольких демонстрационных артефактов, кузен не собирался сидеть сложа руки, дожидаясь свадьбы сестренки.

На выезде из города нас остановили. Впрочем, ненадолго. Покинувший карету кузен вернулся спустя четверть часа. Поправил манжеты, расстегнул верхнюю пуговичку на рубашке, ослабил галстук. Хмыкнул, перехватив наши с Терезой осуждающие взгляды, и вовсе избавился от удавки, сунув в карман.

— Если вы не против, дорогие сестрицы, я, пожалуй, вздремну, — заметил он, откидываясь на спинку сиденья.

— Поспи нормально! — Тереза торопливо пересела ко мне, освобождая для брата всю сторону.

Мариус благодарно кивнул и, подложив под голову подушку, уснул. Слишком быстро для человека, который лишь первую ночь провел без сна.

— Хотел все предусмотреть, — шепнула мне Тереза, укладывая голову на плечо. — Ответственный... В прошлый наш визит в Марголин я боялась, что он там и останется. И сейчас столько зелья набрал...

— Зелье может испортиться. — Я пожала плечами, из-за чего Терезе пришлось поднять голову.

— Не получится, — шепотом предупредила она. — В прошлый раз испортилось. В этот он меня и близко к нему не подпустит.

— А меня? — уточнила заговорщицки.

— Я все слышу, девочки, — мрачно заметил Мариус, открывая глаза и с осуждением на нас глядя.

— Тогда постарайся сделать так, чтобы мы не волновались. И тогда твое зелье будет в целостности и сохранности. — Тереза и не думала оправдываться. — Иначе я расскажу отцу и дяде, что ты всю дорогу домой спал. Все те три дня. А должен был за мной присматривать.

— Тери... — устало выдохнул Мариус.

— Спи давай, — потребовала она и, нагнувшись, извлекла из сундука под сиденьем плед. — Вот, чтоб не замерз.

Мариус закатил глаза, но спорить не стал. На сей раз, прежде чем вновь начинать разговор, мы выждали с четверть часа. И, лишь убедившись, что кузен действительно уснул, вернулись к прерванной беседе.

— Надеюсь, моя свадьба не превратится в заседание акционеров, — тяжело вздохнула Тереза и зевнула.

— Надейся, — хмыкнула я и тоже зевнула. Просто поветрие какое-то. Зевоте, как и смеху, было очень

сложно противостоять. Практически невозможно. А потому мы еще с полчаса передавали друг другу эту почетную эстафету.

Наконец и Тереза не выдержала — прикорнула у меня на плече. Я не протестовала. Мне следовало подумать и по возможности повторить свои конспекты по марголинскому. Увы, таких способностей к этому порывающему языку, как у Ринталь, у меня не было, а необходимость его учить — еще какая.

Отец планировал расширение семейного дела, а потому я не сомневалась, что рано или поздно нам придется покинуть Балиар. А поскольку к Таласке или Шехаину у меня не лежала душа даже в детстве (хватило пару раз сходить с мамой на рынок и посмотреть на выходцев из этих излишне патриархальных стран), выбор пал на Марголин. Папа одобрил. А уж с тех пор, как просватали Терезу...

Я тряхнула головой и тут же замерла, почувствовав, как завозилась кузина. Притихла, выжидая, и, лишь убедившись, что она крепко спит, аккуратно раскрыла конспект. Пусть я и завидовала кузине (самую малость!), но не могла равнодушно смотреть на ее сияющую улыбку и мечтательный взгляд — идти по ее пути я пока не собиралась. И других дел хватало. Например, помочь подруге найти свою настоящую семью. Или изучить рынок сбыта для зелий мастера Рудольфа. А если повезет найти ему клиентов, то старый мастер обещал (нотариально заверено, между прочим) мне тридцать процентов от прибыли. Потому в моем багаже эликсиров было хоть отбавляй. От всего и, хм,

для всего. Так что, случись что, портить бодрящие настойки Мариуса не придется — можно будет просто подменить.

Я покосилась на кузена и усмехнулась. Тот, словно почувствовав мой взгляд, завозился, но сон держал младшего партнера торгового дома Загресси в цепких когтях мечтаний.

Я вернулась к конспекту.

* * *

Успела проснуться Тереза, Мариус трижды отхлебнул из фляжки, прежде чем мы наконец добрались до Висталя.

Портовый город встретил нас шумом, запахом йода и, к сожалению, гнилой рыбы. Тереза поморщилась, приложила к носу надушенный платочек и протянула мне еще один, но я отрицательно качнула головой. Все же обучение в Вальехе если чему и учило, так это смирению.

Чем только не пахло в общежитии! Порой по ночам в коридоре одновременно можно было встретить и розовые эфиры, и вытяжки из калерии болотной, и отголоски купленного под большим секретом алориуса — все вместе это давало такой аромат, что лучше было зажать нос прищепкой и спать с открытыми окнами. Но никто не жаловался и директорисе не доносил. Уж я-то знаю. Староста как-никак. Первая, кто смог продержаться на посту с первого курса и до выпуска. Так что мне было чем гордиться.

Довольная собой, задрала нос, что не могло укрыться от Мариуса. Кузен вздернул бровь, но

я качнула головой, давая понять, что объяснений он не дождется. Впрочем, ему и так было чем заняться.

Все то время, что Мариус решал формальности в заказанной еще в Билене гостинице, мы с Терезой оставались в карете. Вечер клонился к закату, и, несмотря на сон днем, кузина не выглядела отдохнувшей и отчаянно зевала.

— Скорее бы уже заселились, — сонно протянула она, прикрывая рот ладошкой и поворачиваясь ко мне.

Я видела ее лишь краем глаза, все мое внимание занимала улица. Аккуратно отодвинув занавеску, я осматривала близлежащие дома.

От самого порта мы были определенно далеко. Небольшие двух- и трехэтажные домики с цветочными горшками под окнами, невысокие заборчики — скорее декоративные, чем призванные обеспечить хозяевам безопасность, полное отсутствие горлающих лавочников и присутствие почтенных дам, устроившихся на скамейке поодаль. Они о чем-то тихо переговаривались: слов я не разбирала, одни лишь интонации.

С улицы послышался шум, а спустя минуту дверца кареты распахнулась и Мариус протянул руку сначала сестре, а после уже и мне помог выбраться. Сумка с конспектами, парочкой бутербродов и серым вестником ударила меня по бедру: расставаться с ней даже на ночь я не собиралась.

Затекшие ноги отозвались покалыванием тысячи иголок, и, желая ускорить неприятный процесс, я походила взад-вперед, не смущаясь заинтересованных взглядов пожилых наблюдательниц.

Управляющий, а точнее, управляющая гостиницы терпеливо стояла на пороге и, сложив руки на груди, наблюдала за нами, не забывая одаривать благосклонной, заботливой улыбкой. Будто мы и не гости вовсе, а любимые племянники.

— Прошу. — Она отступила на шаг, повернулась боком и указала на вход. Узкая дверца, через которую нам полагалось входить, едва ли способна была пропустить внутрь наши сундуки. — Вещи принесут через другой вход, — пояснила женщина, перехватив мой задумчивый взгляд. — Вы как раз успеете поужинать, пока ваши сундуки доставят и подготовят воду для купания.

— Если вы готовы поручиться, что наши вещи будут в безопасности у вас на территории, заносить все сундуки не придется, — вмешался Мариус. — Девочкам хватит... — Он замялся, не зная, где именно скрывается наш походный набор, но Тереза быстро указала на искомый сундук. — Доставьте им его.

— А вам, господин? — уточнила управляющая.

— Я привык обходиться малым, — пояснил Мариус. — Проводите девочек, я прослежу за разгрузкой.

И он шагнул прямо в колючую изгородь, оказавшуюся ловкой иллюзией, отделявшей улицу от территории семейной гостиницы госпожи Халиан. Последняя оказалась вдовой, простившейся с мужем несколько лет назад. Потеря не сломила ее, а свалившиеся обязанности лишь придали жизни новый смысл. А потому, не имея возможности дарить свою любовь уже выросшим и покинувшим Висталь детям, госпожа Халиан окружила заботой свое де-

тище — небольшую гостиницу с лучшей репутацией в городе.

И, глядя на уютную комнату, где не было ни пыли, ни пауков, ни даже моли, зато имелись чайник с нагревательным артефактом, чашки, печенье в вазочке, запасные одеяла, подушки, три кресла — по одному на гостя и дополнительное для новых или старых знакомых, — я и сама готова была поставить высокую оценку гостеприимству хозяйки. А уж когда в соседней комнате подготовили бадью для купания — и вообще высшую.

— Кто пойдет? — уточнила Тереза. Ей не терпелось понежиться в воде, потому я уступила кухне первенство. Сама же подошла к окну и выглянула наружу.

Уже горели фонари, разгоняя мрак опустившейся на Висталь ночи. Но даже сейчас, казалось, по ту сторону красивого ажурного заборчика, при виде которого Мариус удовлетворенно хмыкнул, разглядев недоступную моему глазу структуру охранных чар, кто-то был.

— Привет от Калиори? — проговорила я и тряхнула головой. Ринталь с нами не было. Это было очевидно, но раз уж любимой тетушке подруги настолько некуда девать деньги, что она готова оплачивать слезку, — пусть. Чем больше она потратит на слезку за мной — тем меньше средств у нее останется для того, чтобы искать Ринталь. К тому же все равно отправиться с нами в Марголин никто из посторонних не сможет: Мариус специально записывал кристалл с моей аурой, снимал копию с портрета и заполнял подробную анкету. Все это заранее

отправлялось в посольство, чтобы по прибытии меня пропустили охранные чары.

Усмехнувшись примерным подсчетам убытков Шарлотты Калиори, я села в кресло и вернулась к чтению конспекта. Пусть и Тереза, и Мариус уверяли, что моего уровня владения языком достаточно, я снова и снова повторяла устойчивые выражения, не желая выглядеть необразованной деревенщиной. А если честно, то просто боялась утратить дар речи в неподходящий момент и надеялась, что если зазубрю что-нибудь намертво, то смогу хоть так сохранить лицо.

— Лари, прости, что так долго, — донеслось до меня.

Я моргнула и оторвалась от чтения. Тереза стояла на пороге и смотрела так виновато, будто всю ночь плескалась, а не каких-то... Я покосилась на часы и хмыкнула: полтора часа прошло, а я и не заметила. Впрочем, после сытного ужина, что предшествовал нашему подъему в комнату, можно было и ночь провести за чтением и не испытать голодных позывов.

— Все хорошо, укладывайся спать. Я скоро присоединюсь, — заверила я и отправилась купаться.

Воду уже успели поменять, а Тереза заботливо оставила на полочке фиалковое мыло и шампунь. Конечно, лечь спать с мокрой головой было не лучшей идеей, но здесь имелось и запечатанное заклятие теплого ветра. Как раз для таких обделенных даром гостей, как я. Так что, когда я закончила с купанием, достаточно было лишь сжать шарик и дожидаться, пока волосы в считанные секунды высохнут.

Но я не я, если бы просто стояла и смотрела в окно на луну, дожидаясь эффекта. А потому я крутила в руках консервирующий артефакт, как называли такие хранители заклинаний, и искала метку, хм, производителя. Аккумулирующие кристаллы, которые были достоянием торгового дома Загресси, тоже ведь можно было так использовать. Не очень выгодно — за накопители магии платили больше, — но возможно.

Я завистливо вздохнула: для одаренных мир был куда проще, чем для таких лишенцев, как я. И перспективы у неодаренных были нерадужные. Даже по последним подсчетам статистического бюро, выполнявшего королевский заказ, за двадцать лет произошел резкий рост числа одаренных. Так, если раньше одарен был лишь каждый десятый житель страны, из них двадцать процентов приходилось на неклассических одаренных — ведьм и колдунов, то сейчас уже каждый восьмой мог похвастаться пусть и совсем слабым, но даром. А мне не досталось никакого.

Тереза — и та могла видеть потоки, Мариус окончил обязательный курс для слабых одаренных — целых два года ежедневных занятий в Карлтоне, школе для мальчиков; Шарен мог похвастаться средним уровнем дара и теперь работал в королевском архиве, а я... Я собиралась с умом распорядиться тем, что имела! И точка! Не всем же быть великими магами — кто-то должен и обычных людей понимать!

Дождавшись, пока высохнут кончики волос, я прокралась обратно в комнату. Комната утопала в тених. Лишь на столе горел оставленный специ-

ально для меня ночник, позволявший выхватывать очертания предметов и уберечься от столкновения с ними. На ощупь закрыла дверь, отрезая купальню от покоев. Табличка «не беспокоить» была, конечно, хороша, но засов я считала надежнее, что бы кто ни утверждал. А потому, проверив обе двери — и в коридор, и в купальню — и убедившись, что никто бесшумно не сможет войти, я прокралась в расстеленную кровать. Нырнула под одеяло, поежилась от внезапного холода и закрыла глаза, привыкая к новому ложу.

— Я волнуюсь, Лари, — нарушила тишину Тереза.

Я услышала, как прогибается матрас, как босые пятки шлепают по полу, а потом кухня села на край моей кровати.

— Забирайся? — Я распахнула одеяло. Не оставлять же сестренку мерзнуть.

Та прошмыгнула ко мне. Лежать вдвоем на узкой кровати было неудобно, зато тепло.

— Я боюсь, что он передумал, — прошептала Тереза.

Тихо-тихо прошептала, будто боялась, что кто-то, кроме меня, может услышать и исполнить дурное предсказание.

— Вряд ли. — Я нашла ладонь кухни и сжала ее холодные, так и не согревшиеся под одеялом пальцы. — Брачный контракт подписан, приданое уже доставлено, так что, будущая виера АльРаунди, ваша свадьба — чистая формальность, — заверила я и почувствовала, как меня пнули в бок.

— Лари, ну нельзя же так!

— Можно, — фыркнула я. — Если в крепости чувств избранника ты можешь сомневаться, то

в упрямстве брата и подписанных и заверенных документах — нет. А знаешь, какая там неустойка? Даже если твой Антиор и передумает, упав с лошади и повредив голову — иначе от такой чудесной девушки, как моя кузина, просто невозможно отказаться, — его отец сам приворотным зельем напоит. Для верности.

— Ла-ари, — простонала Тереза.

— Те-ери, — в тон ей ответила я и повернулась к ней. — Все хорошо будет. Вот увидишь. Ты самая-самая лучшая. И он тебя любит. Тебя все любят. Иначе — просто невозможно. Ты вспомни, сколько ухаже-ров в Билене обивали порог дома дядюшки, чтобы просто получить позволение за тобой ухаживать? А сколько цветов тебе доставили?

— Ты об этом знаешь лучше меня, — усмехнулась кузина, определенно припомнив, кто занимался следующей перепродажей букетов.

— Ты с этого имела больше моего, — напомнила непреклонно. — И денег, и приятностей. Так что вспомни и успокойся. Твой Антиор, пусть мы еще и не представлены, определенно счастлив. У него такая красивая невеста!..

Я не видела лица кузины, но готова была поклясться, что та улыбается.

— Антиор нас завтра встретит, — перевела тему кузина. — Мы раньше выехали, и он не успевал вернуться...

— Так вот почему ты нервничаешь, — понятно протянула я и предложила: — Можем встать пораньше. Я схожу к нашим сундукам и принесу что-нибудь понаряднее? Хочешь?

— Хочу, — тихо призналась Тереза.

— Тогда так и сделаем, — пообещала я, перевернулась на спину и, глядя в потолок, напомнила: — Чтобы не было мешков под глазами, полезен сон.

— Так бы и сказала, что со мной неудобно, — заметила Тереза, выбираясь из моей кровати.

— Ничего подобного, — фыркнула я. — Просто не хочу, чтобы у тебя завтра болела спина и вид был невыспавшийся и помятый.

— И у тебя тоже, — хмыкнула Тереза.

— И у меня, — согласилась я, зевая и переворачиваясь на бок. Усталость, которой наконец дали волю, придавила к кровати.

— Лари, а ты не хочешь погадать? — заметила вдруг кузина, когда я уже практически заснула и готова была согласиться на что угодно, лишь бы мне не мешали спать.

— Только если не придется вставать с кровати, — простонала я, не открывая глаз.

— Не придется, — заверила кузина и потребовала: — Повторяй: сплю на новом месте...

— Только не говори, что веришь в это?.. — Я даже проснулась, услышав знакомые и такие популярные слова, что каждый год сотрясали Вальех в первую ночь учебного года.

— Повторяй, — напомнила Тереза, и я, тяжело вздохнув, сказала:

— Сплю на новом месте...

— ... приснишь виер¹ невесте, — закончила кузина, и я повторила, уступая желанию Терезы.

А потом перевернулась на другой бок и заснула.

¹ Виер — вежливое обращение к взрослому мужчине или наследнику. К детям применяется краткое «вьер» и «вьера». Замужняя дама — виера.

Цветы были повсюду. Белый ковер устилал склон холма, на котором я стояла и жадно вглядывалась в небо. Солнце нещадно палило, и я прикрывала глаза ладонью, чтобы окончательно не ослепнуть. Ветер трепал волосы, бросал пряди мне на лицо, заставляя отвлекаться от ожидания. И я пропустила момент, когда что-то большое, крылатое закрыло небо надо мной. Вскинула голову, и на моих губах появилась улыбка.

Он пришел.

Я резко села и потеряла глаза. Сердце билось так часто, словно мне приснился кошмар, но страха я не чувствовала. Лишь ускользавшее чувство необъяснимой радости. Я глубоко вдохнула, беря себя в руки, и мотнула головой, избавляясь от наваждения.

— Всего лишь сон, — сорвалось с губ.

На соседней кровати завозилась Тереза, сонно пробормотала что-то себе под нос и, перевернувшись на бок, затихла. Я же чувствовала себя выпавшей и... потерянной. Поежилась, вспомнив крылатую тень, заслонившую небо.

— Чего только не приснится, — хмыкнула я и выбралась из-под одеяла.

Темное небо медленно разрезал на полосы рассвет. Я погасила ночник и, подойдя к окну, выглянула наружу. Дымка тумана покрывала всю улицу, скрадывала очертания домов, рассеивала свет еще горевших фонарей. Улица спала, еще не сбросившая чары ночи: не хлопали двери, не скрипели колеса извозчиков, не поднимался дым из труб.

Фигура человека вынырнула из тумана так резко, что я непроизвольно отпрянула назад, чуть не свалив со столика ночник и не ударившись об угол

стола. Чудом, не иначе, я разминулась с опасным углом, а когда вновь посмотрела на улицу — никого уже не было. Как прежде спала скованная туманом улица, а небо медленно, будто кто-то ленивый вперевалочку тащил солнце, светлело.

Я вернулась в кровать, но заснуть так и не смогла. Что-то мешало, будто сознание не хотело, чтобы новые сны вытеснили из памяти предыдущий.

— Зато замуж в ближайшие годы не грозит, — хмыкнула я, вспомнив о вечернем гадании. Вспомнила — и все-таки уснула без сновидений.

* * *

Будила меня Тереза, нещадно толкая в бок и отбирая подушку. Последнюю я обнимала так крепко, будто в ней были спрятаны миллионы и от чужого прикосновения они могли исчезнуть.

— Лари, пора вставать, — ныла над ухом кузина. — Лари! Ты обещала мне помочь. Скоро все поднимутся, а мы еще не готовы. Ла-ари.

— Уже встаю, — простионала я, открывая глаза. Все болело, будто я и не спала, а колоды тягала. Или это дорогая кузина переусердствовала и случайно отпинала меня за нежелание вставать?

— Наконец-то, — выдохнула она, отступая на шаг и пряча руки за спиной. — Я уж думала — не проснешься. — Ее лицо озарилось предвкушающей улыбкой: — Делись, кто приснился?

Она села у моей кровати, положила локти на матрас и с азартом заглянула мне в глаза.

— Белое поле и чудовище, — хмыкнула я, не желая вдаваться в подробности. Села, свесила босые ноги на пол и принялась одеваться.

— Белое поле... — задумчиво протянула Тереза, будто это имело какое-то значение. Порывисто поднялась, обнажив добротные вязаные носки, и пробормотала: — Надо у Антиора спросить, что это значит...

— Вероятно, то, что кому-то в гостинице подарили очень пахучий букет, — предположила я, натягивая платье поверх ночной рубашки. В отличие от кухни, мое платье шнуровалось спереди, делая наличие слуг необязательным и экономя мне деньги и нервы.

Кухина помотала головой, будто хотела возразить, но... промолчала. То ли разочаровалась в гадании, то ли не готова была поручиться, что цветы действительно никому не дарили.

Вот только стоило мне вернуться с ее платьем, Тереза спросила:

— А что там было за чудовище?

— Тери. — Я укоризненно на нее взглянула. — Думаешь, я бы стала запоминать каких-то монстров?

— Разве что они бы покусились на твой шоколад, — хмыкнула Тереза, определенно вспомнив, как в детстве — нам было по шесть и семь лет соответственно — «одолжила» у меня целых три шоколадки. Ореховых, между прочим, самых вкусных из тех, что продавались в лавке господина Лакорни. И пусть я понимала, что угостить гостей кухни было необходимо, но ведь она сама могла позаботиться об угощении и заранее сходить с тетушкой на соседнюю улицу, а не лезть в мои шоколадные запасы! Пусть мне и вернули на плитку больше — я все равно долго не могла простить кухню.

— Никто не имеет права трогать мой шоколад, — мрачно заметила я.

— Ай, — больше чтобы перевести тему, чем оттого, что я дернула ее волосы, заплетая косу, выдала кузина. — Я все вернула, пощади мои волосы, — взмолилась она, и я не смогла сдержать улыбку.

— Прощаю, так и быть, — великодушно отмахнулась от обиды и отступила на шаг. — Готово.

Зеркала в номере, к сожалению, не было, а потому пришлось не меньше дюжины раз заверить Тери, что выглядит она превосходно, прежде чем та, осмотрев себя в карманное зеркальце, благосклонно кивнула и осталась стоять посреди комнаты.

— Если платью помнется, Мариус может тебе помочь, — напомнила я, сама с удовольствием разваливаясь в кресле и размышляя, все ли уложила в сумку. Не выдержала — и полезла пересчитать конспекты, проверить кошелек... Надкусила засохший бутерброд — и, услышав, что в нашу дверь стучат, сунула его обратно.

— Завтрак, — кратко сообщил Мариус, заглянул в комнату и усмехнулся при виде сестры. — Антиор уже прибыл, — предупредил кузен и...

Вот зря он это сделал. Тереза, только-только успокоившаяся, побледнела, потом покраснела, а затем бросилась ко мне.

— Лари, как я выгляжу?

— Прекрасно, — заверила я. — Идем. Ты же слышала. Нас уже ждут.

— Но... — Тереза беспомощно посмотрела на меня.

— Все в порядке. Ты — великолепно, платье — красивое и чистое. Пятен от соуса нигде нет. Туфли у тебя без каблука — на лестнице, если будешь за перила держаться, не упадешь. Я рядом. Идем.

Тереза глубоко вздохнула и медленно, будто шла на заклание, а не на встречу с любимым женихом, последовала за мной завтракать.

Я не торопила. Пусть мое сердце ныне не было занято кем-то определенным, я прекрасно помнила, как впервые влюбилась. Безнадежно, как и полагалось, и скоротечно.

Здесь мне очень повезло, иначе могла бы лишиться статуса старосты: времени на учебу и обязанности практически не оставалось. Все мои мысли занимал он: сын торговца с соседней улицы. Он был таким взрослым, мужественным, немногословным и очень, как мне казалось, талантливым. Я искала с ним встречи, заходила купить ненужную мелочовку в лавку его отца, лишь бы он поприветствовал меня, улыбнулся и о чем-нибудь спросил.

Увы, меня, в отличие от дочери пекаря, он спрашивал лишь об одном...

— ...вам завернуть с собой? — раздалось предупредительное с первого этажа: госпожа Халиан обсуждала с кем-то завтрак.

А я испытала жгучий стыд, вспомнив свою безнадежную влюбленность. Любовь прошла, а стыд за бездарно потраченные время и средства до сих пор был со мной. Хорошо еще, что пережитое разочарование помогло мне впоследствии заработать. Иначе я бы себя не смогла простить. Наверное.

— Лари, посмотри, он там?

Тереза замерла у двери в столовую, не в силах сделать ни шаг вперед, ни назад. Я осторожно заглянула в комнату, нашла взглядом Мариуса и, обнаружив рядом с ним незнакомого загорелого темноволосого мужчину с выбритыми висками, кивнула кухне.

— Я не могу, — шепотом проговорила она и хотела было позорно ретироваться, но я удержала.

— Можешь. Ты так ждала эту встречу, разве можно сейчас развернуться и уйти?

Тереза кивнула. Дескать, еще как можно.

— А если на корабле кормить не будут и это твой последний шанс поесть перед плаванием? Или того хуже: начнется внезапная морская болезнь, твое лицо станет зеленым, а каждый шаг будет сопровождаться позывом в уборную? Хочешь, чтобы он тебя такой запомнил?

Испуганная перспективой, кузина отрицательно покачала головой.

— Тогда идем сейчас. Пока ты красивая и голодная.

— Умеешь ты подбодрить, — укоризненно заметила Тереза.

Я пожалала плечами: главное — результат. А он у моего пассажира был самый положительный: кузина сжала кулачки, собираясь с духом, и шагнула в столовую, тут же привлекая к себе всеобщее внимание.

Темноволосый незнакомец первым из присутствовавших мужчин поднялся, но оказался единственным, кому кузина подарила смущенную улыбку. Мариус, наблюдавший за воссоединением пары, довольно усмехнулся и кивнул мне на освободившийся рядом стул. Никто не сомневался, что жених с невестой не станут сидеть по разные стороны стола.

— Виер Антиор, позвольте представить вам Ларин, нашу кузину и младшую дочь Штефана и Мелинды Загресси.

— Чрезвычайно рад знакомству.

Жених кухни учтиво склонил голову. Целовать мне руку он не стал, и я немного расслабилась: не хотелось, чтобы Тереза расстраивалась, а сейчас ее все что угодно могло задеть — слишком уязвимо она себя чувствовала перед грядущей свадьбой.

— Ларин, виер Антиор — жених Терезы, наш уважаемый партнер, наследник великого рода ЭльРаунди, — представил мне мужчину кузен. И я вежливо улыбнулась, обозначив книксен.

— Счастлива увидеть вас воочию, виер ЭльРаунди, — охрипшим от смущения голосом сказала я по-марголински. И с облегчением выдохнула, не услышав смешков и не заметив недоуменно вздернутых бровей.

— Весьма польщен вашим стремлением изучить язык будущих родственников, — перешел на родной язык и Антиор. — Надеюсь, путешествие в Шарган принесет вам множество радостных открытий, — вернулся на всем понятный язык виер, и я поняла, что кухня, судя по облегченному вздоху, оказалась не так сильна в марголинском, как я думала. — В Шаргане вы не встретите трудностей, даже если не будете знать наш язык. Иностранцам нелегко дается произношение.

— В таком случае постараюсь не оскорблять ваш слух своими попытками.

— Что вы, — пошел на попятную Антиор. — Слушать юную вьеру — сплошное удовольствие.

«...которым лучше не злоупотреблять», — мрачно отметила я про себя.

— Моя лучшая подруга очень талантлива в марголинском, — забросила я удочку. — Она родилась в Марголине. Возможно, вы знаете кого-то из ее семьи. Рингаль Калиори?

Антиор нахмурился, словно пытался отыскать в памяти нужную фамилию или имя, но с сожалением покачал головой.

— Увы, я ничего не слышал ни о вашей подруге, ни о ее роде. Калиори — неместная фамилия, возможно, переселенцы...

— А у кого можно узнать точнее? — включилась в беседу Тереза, вспомнив о своем обещании помочь мне в поисках настоящей семьи Ринталь.

— Вероятно, в архиве должна быть какая-нибудь информация. Я попробую договориться, чтобы нам позволили поискать. К сожалению, посещение архива возможно лишь с одобрения глав старших кланов.

— Буду благодарна вам даже за попытку, — заверила я немного разочарованно. Впрочем, никто не обещал, что будет легко.

— В таком случае, Ларин, если ты спросила обо всем, о чем хотела... — с намеком, что не одобряет мою торопливость, начал Мариус и продолжил: — Вернемся к делам. Господин Штефан готов инвестировать в наше предприятие...

Я вздохнула и поспешила закрыть рот едой, чтобы не мешать обсуждению семейных дел. Увы, в дело добычи и обработки аккумулирующих кристаллов меня пока не посвящали, потому приходилось слушать и вникать самостоятельно.

И я бы так и оставалась за столом, пока шла беседа, если бы Тереза не пожелала вернуться в номер. Пришлось подниматься из-за стола и, извинившись, следовать за ней. Все же в данный момент мой долг перед семьей заключался в моральной поддержке кухни, а не в удовлетворении собственного любопытства.

Поднявшись наверх, я остановилась у дверей номера и осторожно постучала. Конечно, я имела полное право просто открыть дверь, но не хотела ставить Тери в неудобное положение. Как оказалось — мое решение было верным. Кузина открыла, и, пусть она улыбалась немного виновато, я по глазам поняла, что Тери расстроена. Кажется, даже плакала.

Я тронула ее за руку и, убедившись, что рукав платья влажный, обняла родственницу.

— Все хорошо, — уверенно сказала ей.

— Я никогда не смогу освоить этот язык! — обреченно выдохнула кузина, обнимая меня в ответ и шепча на самое ухо: — Я боюсь, Лари. Как я боюсь...

— Ты всегда можешь вернуться, — тихо сказала я. — Что бы ни случилось, мы — я — всегда будем тебя ждать.

— Спасибо, — шепотом поблагодарила Тереза. — Мне так важно, что хоть кто-то на моей стороне.

— Мы все на твоей стороне. — Я отстранилась от кузины и посмотрела ей прямо в глаза: — Мы — семья. А в семье всегда поддержат и помогут. Что бы ни случилось.

Тереза кивнула и утерла выступившие слезы.

— А с языком что-нибудь решится. Мне показалось, Антиор не хочет ставить тебя в неудобное положение. Да и в целом — глаз с тебя не сводил, даже когда Мариус начал говорить о прибыли. А это, поверь, — я усмехнулась, — дорогого стоит.

— Ты так считаешь?

— Конечно, — легко согласилась я, гоня от себя все мысли о том, что кузине неплохо было бы уже перестать нервничать понапрасну. Вот только вслух я бы ей этого ни за что не сказала, а значит: — Давай

поправлю тебе прическу? Думаю, уже совсем скоро Мариус вспомнит, что мы должны сегодня уехать, и начнет подгонять.

Кузина согласно кивнула и села, облегчая мне доступ к своим волосам. А я взмолилась и Матери, и Отцу, чтобы мы быстрее покинули Висталь и оказались уже в Марголине. Иначе когда-нибудь мое терпение иссякнет, и я не смогу быть моральной поддержкой кузине.

Не знаю, услышали ли меня боги, но гостиницу мы покинули уже через час. И, глядя на Терезу с женихом, я чувствовала себя в карете лишней.

Оставалось надеяться, что скоро все изменится.

Глава 2

ЧУВСТВУЙТЕ СЕБЯ КАК ДОМА

Кажется, я так не радовалась отдельной комнате с того самого момента, как после второго курса Вальеха нас наконец-то не расселили. По ночам больше не приходилось слушать чужие откровения и переживания, можно было засиживаться допоздна с книгами, да и просто побыть наедине с собственными мыслями.

За те два дня пути, что мы провели в море, я успела настолько устать от кухни, с каждым днем становившейся все более невыносимой, что готова была бежать куда угодно, едва корабль причалит к берегу. И лишь чувство долга, сковавшее меня по рукам и ногам, требовало остаться и стоически принять суровую действительность.

— Я снял дом в пригороде. Там нам всем должно быть удобно, — сообщил Антиор, помогая невесте спуститься на берег. Наверное, не бойся Тери высоты и не страдай от качки, он бы понес ее на руках, но кухня была против. Ей даже зелья не помогали, и, чтобы увериться, что мастер Рудольф ничего не перепутал в составах, я поделилась запасами с женатой парой, решившей провести отпуск в Шаргане. Леди зелье помогло, а вот кухне — нет.

— Это очень мило. — Кузина расплылась в улыбке. В ней было все: неловкость, смущение, толика кокетства...

Я отвернулась и быстрым шагом сошла на землю. Ветер трепал волосы, бросая их в лицо вместе с цветочным ароматом. Сновали туда-сюда грузчики, но что-то было не так. Нахмурилась, не понимая, что именно заставляет меня напрячься, приняохалась и... осознала. Воня не было. Будто мы и не в порту находились. Впрочем, оглядевшись, я не обнаружила ни большегрузов, ни рыболовецких шхун, ни локального рынка.

— Торговые суда прибывают в другие порты, — пояснил Мариус, перехватив мой вопросительный взгляд. — Ветер там таков, что сносит все запахи в море. Ближайший из них расположен на другом конце города и принадлежит виеру АльТерни. Соседний расположен в Малирате и принадлежит Верманам. Я даже боюсь представить, во сколько им обошлось его приобретение.

— Подарок лиера, — пожал плечами прислушавшийся к нашей беседе Антиор. — Верманы — единственные, кто не принадлежит к исконным родам и кому позволено вести торговлю в Марголине.

— Полезное знакомство, — хмыкнула я.

— Так и есть, — кивнул Антиор и обернулся к заскучавшей Терезе: — Еще пара минут — и мы сможем отправиться домой.

Тереза подарила избраннику улыбку, а я попыталась скрыть разочарование. Дом за городом, конечно, был хорош и наверняка удобен, но лишь для тех, кто искал покой, уединение и общение с близкими. Мне же последнего, казалось, хватило на годы

вперед, предпоследнее нарушало все планы, а первый противоречил обещанию. Ведь как я смогу помочь Ринталь, если буду сидеть дома и развлекать кухню?

— Я бы хотела осмотреться.

Я подошла к кузену и тронула его за рукав. Мариус прищурился, о чем-то напряженно размышляя, бросил быстрый взгляд на сестру и отрицательно покачал головой.

— Сейчас я не могу тебя сопровождать. Да и после путешествия всем следует отдохнуть, — непреклонно заметил кузен.

— А позже?

— Позже я буду занят, — отрезал Мариус, но, перехватив мой расстроенный взгляд, добавил: — Но уверен, вы с Терезой найдете, чем себя занять.

Я кивнула, впрочем, не пытаясь скрыть разочарование. Спорить с Мариусом было бесполезно. К сожалению, в отличие от Шарена он больше придерживался старых взглядов, где девушке не пристало ходить без сопровождения, а заниматься следовало домом и детьми. Исключением разве что были одаренные — их кузен готов был признать достойными трудиться наравне с мужчинами. Впрочем, не во всех сферах, а только в целительстве, флористике и прочем садоводстве.

Я резко качнула головой. Ну уж нет, сидеть дома и вышивать платочек я не стану. Во-первых, потому что считаю вышивание потерей драгоценного времени и не менее ценного здоровья. Во-вторых, из-за личной неприязни к данному виду рукоделия. Все три мои попытки вышить хоть сколько-нибудь удачное изделие закончились утешительным «в следую-

щий раз обязательно получится» от матушки и обреченным вздохом наставницы. Последняя определенно не питала иллюзий по поводу моих будущих успехов.

— Лари, — позвала меня Тереза.

Я неохотно последовала за ней к нанятой Антиором карете.

Всю дорогу к временному жилищу я всматривалась в окно, пытаясь во всех деталях запомнить путь. Увы, улочки Шаргана петляли так, будто специально создавались с расчетом сбить с пути гостей города.

Я разочарованно вздохнула, чем вызвала снисходительную улыбку Антиора, откинулась на спинку сиденья и начала про себя повторять спряжения основных глаголов. Настроение падало так же стремительно, как исчезала моя надежда на полезное времяпрепровождение.

И даже уютный двухэтажный особняк, увитый плющом и окруженный цветущим садом, не смог скрасить моей тоски. Напротив, оказавшись в окружении цветов, сбиваемая с ног их густым ароматом, я чуть не плакала, понимая, что мы оказались не просто в пригороде, а где-то далеко-далеко за городом. Высыпавшие на улицу слуги стали последней каплей.

— Кузен, я не очень хорошо себя чувствую. Если не возражаете, — я обвела взглядом Терезу, её жениха и кузена, — я бы хотела отправиться отдохнуть прямо сейчас.

— Конечно. — Антиор кивнул первым и распорядился по-марголински: — Лираен, проводи Ларин.

От четверки встречающих, высыпавших на порог дома, отделилась молоденькая темноволосая девушка в черном платье и белом переднике. Она каким-то

чудом опередила меня и открыла дверь, пропуская внутрь, а потом вновь оказалась передо мной.

— Добро пожаловать в Шарган, — с акцентом поприветствовала она меня.

— Пусть луна освещает ваш путь, — вернула я ей любезность.

— Вы говорите?.. — Лираен сбилась с шага. Смутилась, поняв, что не должна была говорить ничего подобного.

Ее взгляд заметался, будто служанка торопливо искала выход, и я поспешила сгладить неловкость:

— Я учила марголинский, но насколько хорошо мне удалось им овладеть, покажет время. Я буду очень признательна, если вы поможете мне с практикой.

— Конечно, вьера, — легко согласилась и, как мне показалось, расслабилась Лираен. Зато я напряглась: мозг кипел от необходимости подбирать слова и правильно их выстраивать. — Ваша комната.

Девушка остановилась у узкой двери. Всего в коридор выходило пять таких дверей, и я задумалась, не должен ли к нам присоединиться кто-либо еще. По рассказам кузины я поняла, что до самого бракосочетания Тереза будет жить с нами и лишь после свадьбы переедет в дом семьи ЭльРаунди. Следовательно, даже если Антиор останется тут, чтобы ухаживать за Тери, обсуждать совместное дело с Мариусом и не терять время на разъезды, к нам мог присоединиться кто-то еще.

— Все ли гости уже прибыли? — уточнила я у служанки.

— Гости — все, но виер Антиор нанял для вас дуэнью. Она прибудет утром и поможет разобраться в местных традициях.

— Понятно, — пробормотала я, мрачней. Планы рушились один за одним. Сначала упертость кузена, теперь дом, расположенный неизвестно где, завтра — надзирательница, которая вряд ли покинет дом вместе с кузиной... Замужней виере компаньонка не положена, а вот мне... С этим определенно нужно было что-то решать, осталось понять — как.

Я потянула ручку двери и переступила порог отведенной мне комнаты. Сквозь узкое, но высокое окно лился мягкий, словно бархатный, свет предзакатного солнца.

Зевнула, чувствуя, как накатывает усталость. Даже не физическая — моральная, но позволить себе расслабиться я пока не могла.

— Лираен, — я улыбнулась самой располагающей из своих улыбок, — не могли бы вы поведать мне о местных традициях? Как незамужней вьере следует вести себя на улице, чтобы не опозорить род и не попасть в неловкую ситуацию?

Горничная, вошедшая в комнату следом за мной, помедлив, кивнула. Все же в моей просьбе не было ничего, что могло бы противоречить инструкциям, полученным от виера Антиора. Мое любопытство было легко объяснимым (подумаешь, кузина невесты не хочет опозорить семью!), а значит, безопасным и даже полезным.

— Конечно. — Лираен кивнула, но, несмотря на наличие свободного кресла, не пожелала присесть.

— Присаживайтесь, — пригласила я, делая маленький шагок в сторону завоевания расположения горничной. Сама я предпочла опуститься на кровать. Благо она была застелена плотным покрывалом, и можно было не бояться запахнуть постельное белье.

— Как вам будет угодно. — Лираен поклонилась, присела на краешек кресла и принялась рассказывать: — Высокородной вьере неприлично показываться на улице без сопровождения родственников или компаньонки.

— А не высокогородной? — уточнила я.

— А разве вы не?.. — нахмурила бровки Лираен.

— Моя семья не принадлежит к старым аристократическим родам, — уклончиво ответила я, оставляя себе пространство для маневра, но дальше хитрить не пришлось: Лираен расслабилась и облегченно выдохнула. Правда, тут же подобралась, будто не знала, как я отнесусь к ее вольности. — Все в порядке. Я не придерживаюсь мнения, что слуги должны быть подобны истуканам, которым позволено двигаться, лишь исполняя волю хозяина.

— Нам повезло, — улыбнулась Лираен и призналась: — Мы боялись, что вы будете не как младшая госпожа.

— Не как Тереза? — уточнила я.

— Да, не как будущая виера ЭльРаунди, — кивнула горничная. — Но вы как она. Нам повезло.

— А мне? — заговорщицки спросила я. — Если я не высокогородная вьера, как мне следует вести себя на улице?

Лираен бросила косой взгляд на дверь и шепотом сообщила:

— Как и всем. Никого не толкать, дорогу каретам не перебегать, темных улиц избегать, воришек лишний раз не дразнить. О них в Шаргане, правда, давно не слышно, но вдруг ради вас появятся. И одеваться лучше неброско, чтобы никто не подумал, что благородная вьера из дома убежала.

И еще... — Лираен замялась, но предупредила: — Наденьте перчатки.

— Это обязательно? — уточнила я задумчиво.

— Для вьеры — да.

Я кивнула, принимая совет к сведению. По всему выходило, что перчатки — вещь статусная. По крайней мере, намекающая на отсутствие брачного браслета у девушки. Впрочем, личные предпочтения сбрасывать со счетов не следует.

— Спасибо, обязательно учту, — пообещала я и действительно решила утром уточнить у Терезы, так ли обстоят дела и носила ли она перчатки в свой прошлый визит.

Лираен поднялась, посчитав беседу оконченной. Я не стала ее переубеждать, только попросила:

— Не могли бы мне подать ужин сюда?

— Конечно.

Горничная обернулась, поклонилась и торопливо ушла. Я упала на кровать и, сложив на груди руки, закрыла глаза. Нужно было подумать. Во-первых, скорое прибытие компаньонки ставило крест на моих планах прогуляться по рынку и разузнать о нуждах местных. Во-вторых, с уходом в новую семью Терезы моя жизнь легче не станет. Напротив, если в ближайшие дни время дуэньи будет делиться между мной и кузиной, то после она полностью сосредоточится именно на мне. А значит, плохое самочувствие в качестве причины для отсутствия на обеде или ужине можно вычеркивать: придет и проверит. Следовательно, если я все же хочу хоть немного вдохнуть воздуха свободы, действовать нужно быстро. А лучше — прямо сейчас.

Последняя мысль заставила меня рассмеяться. В окно уже настойчиво заглядывала ночь, густыми

сумерками укрывая город. Внизу суетились слуги, смеялась Тереза. Скрипела верхняя ступенька лестницы, оповещая о новом госте на втором этаже. В мою дверь тихо постучались.

— Входите, — позволила я, садясь и высматривая, где здесь находится управляющий артефакт. Увы, без него я регулировать освещение была не способна.

В комнату проскользнула Лираен с подносом. Ей сумерки нисколько не мешали: она сумела дойти до столика у кресла и ничего не задеть.

— А где здесь управляющий кристалл? — уточнила я, наблюдая, как девушка выставляет на столик миску с ароматным супом, тарелку с пюре и жарким, чашку с незнакомым отваром и блюдце, которое было практически незаметно под шоколадным кексом.

— Один — у входа. — Лираен опустила поднос и, вернувшись к двери, прикоснулась к гладкому круглому камню, каким-то чудом не выпадавшему из выемки в стене. В комнате резко посветлело. — Второй — слева от кровати.

Мне жестом указали, куда следует смотреть, и я обнаружила такой же камешек на расстоянии вытянутой руки от себя.

— Благодарю.

— Еще что-нибудь? — с готовностью спросила Лираен.

— Нет, больше ничего не нужно. Я поем и лягу спать. Передайте, будьте добры, кузену: не нужно меня беспокоить.

— А ванна? Разве вы не хотите освежиться?

— Боюсь, у меня нет сил, чтобы ждать, пока натакают воды, — извиняющимся тоном заметила я.

— Так не нужно ждать! — воспрянула духом Лираен и, прислонив поднос к стене, прошла мимо. Остановилась у декоративной, как мне казалось, панели и толкнула ее. — В Шаргане в каждом доме есть водопровод и канализация, — похвасталась девушка. — Можно принимать ванну в любое время. Идемте, я покажу. А пока будете мыться — разберу ваши вещи.

— Вы меня очень обяжете, — пробормотала я, разглядывая небольшую комнатку, что скрывалась за неприметной дверцей. Изнутри она закрывалась на внушающую доверие щеколду.

— Смотрите, — привлекла мое внимание Лираен, останавливаясь у полноценной ванны, в которой можно было не то что сесть — даже ноги вытянуть. Легкий поворот рычажка — и в ванну хлынула горячая вода. — Если нужно остудить — просто добавьте холодной, — сообщила горничная, перекрыла воду и тоном бывалой искусительницы уточнила: — Принести вам сменную одежду?

— После ужина, — тяжело вздохнув, отказалась я от немедленного использования благ цивилизации, в Балиаре доступных далеко не всем. Впрочем, мне было грех жаловаться: в нашем городском доме водопровод и канализация были, а вот в Вальехе... Поэтому я была готова даже собственноручно стирать себе белье, если придется.

— Как прикажете. — Лираен поклонилась и удалилась.

Я ужинала в одиночестве, молча глядя, как по ту сторону окна загораются сотни разноцветных огоньков. Видимо, Антиор все же не соврал, а это обилие зелени и тишина вокруг ввели меня в заблуж-

ждение. Судя по количеству огоньков, городскую черту мы не пересекли. Едва ли кто-то в пригороде стал бы тратить сотни золотых на освещение незаселенных холмов.

С ужином расправилась быстро и в полном объеме. Сказывался Вальех, где и минутки на размышления нельзя было себе позволить, если хотел съесть что-нибудь приличнее овсянки.

С тоской взглянув на пустые тарелки, я поняла, что меня почти переиграли: после такого сытного ужина единственным, на что нашлись бы силы у любого нормального человека, был сон. Ну или быстрая ванна, а потом праведный сон до самого утра.

Но хоть в чем-то я была похожа на ведьм: пища усваивалась легко, быстро и... бесследно. Сколько бы мама ни пыталась меня откормить — ничего не выходило. И я надеялась, что дело было не в Вальехе, ибо даже там среди учениц находились девушки с пышными формами. И никакая диета не могла этого изменить.

В ванной я задержалась подольше. Благо здесь уже имелся и халат, и ночная рубашка, а в комнате за еще одной панелью (кажется, я начала понимать местную логику) нашелся просторный шкаф, где висело два чистых платья. Одно нежно-розового цвета, а второе — прекрасного темно-синего оттенка. Такого темного, что, приглушив свет, я не смогла его разглядеть.

Разумеется, я выбрала первый вариант. Не потому, что люблю розовый, а по той простой причине, что лезть в окно второго этажа я посчитала не слишком удачным вариантом, как и перспективу блуждать ночью по незнакомым улицам. Зато выйти во двор

и подышать воздухом не зазорно даже леди. Напротив, некоторым из моих школьных приятельниц целители даже прописывали вечерние прогулки. От головной боли, тоски и скверного настроения. Последний пункт годился как нельзя лучше. А потому розовое платье, так и кричавшее, что никуда дальше ворот хозяйка выходить не собирается, подходило мне лучше темно-синего.

— Вьера... — Удивленный голос Лираен прервал мои размышления. Девушка, ожидавшая, что я еще плещусь в ванне, стояла на пороге комнаты. Судя по звукам, в коридоре как раз поднимали мой сундук с одеждой. — Вы...

— Мне стало легче, и я решила спуститься и присоединиться к ужину, — выдала я заготовленную ложь. Судя по звукам, доносившимся из коридора, присоединяться было уже не к кому, но как повод спуститься...

— Господа уже разошлись по комнатам, — расстроенно заметила горничная. — Но я могу...

— В таком случае я просто подышу воздухом и вернусь. — Не давая собеседнице вставить слово, я аккуратно протиснулась мимо нее в коридор и уже оттуда добавила: — Сундук можете оставить. Я утром сама разберу.

— Нет, что вы... — заспорила горничная, обещавшая развесить мои вещи. Шумно вздохнула и попросила: — Только за забор не ходите!

— Не пойду, — пообещала я и тихонько, на цыпочках, чтобы избежать лишних встреч, спустилась по лестнице. Потянула носом воздух, прислушалась к тихому разговору слуг, убравших стол после ужина, и вышла на крыльцо. На сей раз пустое.

Пошатнулась от нахлынувших на меня ароматов, поняла, что на окнах дома определенно стоит защита от проникновения извне запахов, и пару раз быстро вдохнула. Надеялась, что так быстрее принохаюсь и перестану обращать внимание на запахи, но куда там...

Помедлив, все же рискнула сойти с освещенного крыльца на дорожку разбитого вокруг дома сада. Неширокая тропинка, украшенная по периметру разноцветными фонариками, вела на задний двор, видеть который мне еще не доводилось. Окно моей комнаты выходило на другую сторону, а потому я не знала, что мне предстоит увидеть. Или чего — не увидеть. Деревья, мимо которых шла дорожка, сходились кронами, образуя естественную защиту от непогоды и посторонних взглядов, ежели кто рискнет подчинить сознание птицы и так следить за соседями.

Я запрокинула голову, но листва была уже настолько густая, что сквозь нее даже звезды не проглядывали.

Уходить с дорожки не хотелось. Свет фонариков настаивал, что рядом с ними безопаснее, здравый смысл утверждал, что в мишень с подсветкой куда легче попасть, а я... Я хотела взглянуть на небо, не затянutosе ни густыми кронами, ни пушистыми облаками.

Ботинки продавили мягкую почву, когда я сошла с дорожки, прихватив один из фонариков. Все же без света я рисковала если не сломать ноги, то нажать себе врага в лице садовника. Потому шла аккуратно, чтобы случайно не задеть ни головки цветов, ни хрупкие стебли.

Наконец, спустя несколько томительных минут, в течение которых я вспомнила худшие годы занятий танцами, под ногами оказалась обычная трава, а в паре шагов — широкий каменный забор. Невысокий — такой перемахнуть не составит труда даже подростку, но удобный для сидения. И лежания.

Я смотрела вверх, выискивая в темном небе знакомые звезды. Пальцем — все равно никто не видит — соединяла их в созвездия и улыбалась. Правая рука, которую я подложила под голову, еще не затекла, а потому я наслаждалась тишиной, спокойствием и на удивление теплым ветром. Впрочем, последнее обстоятельство могло быть продиктовано близостью дома и его защитой. Хотя климат в Шаргане должен был быть мягче и теплее, чем в Балиаре. Здесь, как мне показалось, кто-то даже апельсины выращивал на улице.

«Интересно, мне удастся найти хоть парочку?» — подумала и чуть не сверзилась с забора. По небу что-то летело. Что-то большое — не птица и не вестник. Они не закрыли бы созвездие, даже если бы пронеслись прямо над моей головой.

Я юркнула на землю, торопливо прикрывая фонарик подолом и радуясь, что ткань хоть и светлая, но достаточно плотная. Прислонилась к забору, закрывая блеклый свет артефакта еще и собой, и вскинула голову.

Звезды сияли, как и прежде.

— Показалось? — пробормотала я, вынимая из-под юбки фонарик и выпрямляясь. Нервно передернула плечами и собралась было уходить, когда меня окликнули:

— Вы уйдете, даже не дождавшись светлячков?

Сказано было не по-марголински, а значит, предназначалось именно для меня. По спине пробежала толпа мурашек: не хотелось думать, что здесь меня — или Терезу — мог кто-то специально поджидать. Очень не хотелось.

Я обернулась и подняла фонарик повыше. Свет выхватил два стоявших по ту сторону забора силуэта. Один торопливо приближался к границе между владениями. Ему же принадлежал и голос:

— Леди, я не хотел пугать. — Показавшийся мужчина примирительно поднял руки. В одной из них имелась небольшая подушечка, а через вторую был перекинут плед. — Лишь надеялся немного облегчить ваше ожидание.

Он подошел практически вплотную. Теперь в свете фонарика я могла разглядеть его лицо в обрамлении светлых, как первый снег, волос. На бледной коже — словно ее специально прятали от солнца — выделялись глаза. Такого насыщенного зеленого цвета мне еще не доводилось встречать у людей. Разрез глаз тоже выдавал в незнакомце местного жителя: более узкий, чем у меня, но не как у жителей пустыни. Впрочем, все черты лица незнакомца были острыми, будто составленными из треугольников. Никакой детской округлости, никакой плавности линий — все в лице напротив кричало об инаковости и скрывающейся за ней опасности. И даже улыбка незнакомца была сродни обещанию. Обещанию, от которого бросало в холодный пот.

И я испугалась. Несмотря на то что нас разделял забор, несмотря на близость дома, несмотря на отсутствие каких-то резких движений со стороны незнакомца, я чувствовала, как сердце начинает биться

быстрее и моим единственным желанием становится убежать. Вот только ноги отказывались двигаться, лишая меня возможности спастись.

— Нам пора возвращаться, — нарушил повисшее молчание спутник блондина.

Мне с трудом удалось удержать на лице равнодушное выражение.

— Отчего же? — Блондин обернулся к своему спутнику. На его лице мелькнула тень досады, будто собеседник мешал его планам. — В эту ночь я совершенно свободен. Если ты занят — можешь возвращаться, а я настроен продолжить знакомство с леди.

Сказано было по-марголински и явно не предназначалось для моих ушей, а потому я сделала вид, что не поняла. Что, впрочем, не помешало мне отступить на шаг.

— Леди, прошу извинить моего спутника. Виер никогда не мог оценить красоту прекрасных дам, — хищно усмехнулся блондин, протягивая руку с недвусмысленным намеком. Даже зажатая под мышкой подушечка не делала его менее угрожающим в этот момент.

— Мы не представлены, — ухватила я за возможность избежать знакомства и отступила еще на шаг. Не успела даже выйти за порог — а неприятности сами меня нашли. И каким бы вежливым ни пытался выглядеть блондин, я отчего-то в его добрые намерения не верила.

— Картиан, вьера не желает продолжения знакомства, — вновь вмешался спутник навязчивого марголинца, и я поняла, что готова его расцеловать, каким бы страшным он ни был. Просто за понимание. Про-

сто за то, что остался. Что одним своим присутствием мешает блондину, досадливо бросившему:

— Вьеры вообще мало что способны желать: их знания о мире слишком ограничены.

— И не тебе их расширять, — отрезал второй и наконец ступил в освещенный моим фонариком круг.

В отличие от своего спутника, этот мужчина был темноволос и коротко стрижен. И пусть черты лица выдавали в них близких родственников, хищный прищур карих глаз не пугал. Возможно, сквозившая в них усталость была всему виной. А может, улыбка — извиняющаяся, обреченная, какая бывает у старших, недосмотревших за порученными им заботам младшими, вынужденных извиняться за чересчур своих нравных подопечных.

— Мы вынуждены попрощаться. — Он едва заметно склонил голову и ушел, увлекая за собой и Картиана. Тот хмурился и не хотел уходить, но воля, а может, и хватка собеседника были куда сильнее его желаний.

Когда мрак съел их фигуры, я с облегчением выдохнула.

— Сходила посмотреть на звезды, — пробормотала я и поспешила вернуться в дом. Новой встречи с соседями хотелось избежать.

* * *

Впрочем, нежелание встречаться с новыми знакомыми не могло заставить меня забыть о любопытстве. И уже утром, спустившись в столовую и не застав там никого, кроме суетящейся Лираен, я уточнила у служанки:

— А кто живет с нами по соседству?

Невинный вопрос заставил девушку вздрогнуть и залиться краской, будто я спросила о чем-то личном.

— По правую сторону от нас — владения виера АльТерни, по левую — виера АльКинета, — просветила меня девушка, избегая смотреть в глаза.

Я задумалась, пытаюсь сообразить, куда вчера пошла — вправо или влево, и решила уточнить:

— А каким из них владеет темноволосый мужчина? — Все же мне показалось, что в паре моих ночных знакомцев главным был именно темноволосый. Иначе он бы просто не смог призвать к порядку второго.

— Правым. Виер АльТерни носит стрижку по последней военной моде, — просветила меня Лираен.

А я мысленно повторила: «Виер АльТерни», — и улыбнулась. Имя мне определенно понравилось. Хорошее имя.

— Вы так улыбаетесь... — заметила горничная, и я поспешила спрятать улыбку и воздержаться от дальнейших вопросов. Все же я в Шарган приехала не для того, чтобы с соседями кокетничать.

— Хороший сон приснился.

Я думала, что таким образом приглушу любопытство Лираен, но куда там. Напротив, она посмотрела на меня с нескрываемым азартом.

— А что вам снилось? — шепотом, воровато поглядывая на дверь, из которой могли появиться проснувшиеся господа, поинтересовалась девушка.

Я вздохнула и не нашла ничего лучше, как поведать ей о своем «гадательном» видении.

— Вот как... — протянула она задумчиво. Открыла было рот, чтобы что-то уточнить, но не успела.

— Доброе утро, Ларин. — Антиор подарил мне улыбку. — Как вы себя чувствуете? Вам удалось отдохнуть?

— Благодарю, все чудесно, — ответила я на марголинском и вернула улыбку жениху кузины. — Надеюсь, луна и звезды были и к вам милосердны.

— Это так, — подтвердил виер и сообщил: — Не убегайте к себе после завтрака. Понимаю, вам тяжело оказаться в чужой стране, а мы с Мариусом не в состоянии уделить вам достаточно внимания, поэтому я пригласил для вас с Терезой компаньонку. Виера ЭльВиет предоставила лучшие рекомендации. Уверен, она поможет вам полюбить мою страну.

— Непременно. — Я заставила себя улыбнуться. Названную даму я уже не любила.

После завтрака, когда я было решила, что обошлось и надзирательница за девичьими делами исчезла по дороге, Лираен как дурной вестник вошла в столовую и оповестила о прибытии виеры. Ее вещи, как сообщила горничная, также уже доставлены, и ныне обустройством новой обитательницы дома занималась виера Альдея.

— Одну минутку, — попросил Антиор, поднимаясь из-за стола и скрываясь за дверью.

Мы с Терезой переглянулись.

— Ведите себя пристойно, — то ли попросил, то ли приказал кузен.

Я поморщилась: Марголин открывал в нем худшие качества. В Балиаре кузен бы даже не рискнул заикнуться о подобном, прекрасно зная, что и его отец, и мой нам с Терезой доверяют.